

²⁴Участие Иваненко в “Одесском вестнике” в 1832 и 1833 г. не выявлено.

²⁵“Лит. листки”, 1833, № 12, с. 95–98; № 13, с. 103–105.

²⁶Там же, № 14, с. 110–113; № 15, с. 117–121; № 16, с. 125–128.

²⁷Там же, № 27, с. 235–242.

²⁸Например, “Отрывки из соч. Сильвио Пеллико” (“Одесский вестник”, 1835, № 43, 25 мая).

²⁹«Дело о дозволении губернскому секретарю Иваненко издавать журнал “Одесское обозрение”» (РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 779, 7 л.). В “Деле” сохранилось следующее свидетельство: “Служащий в штате канцелярии г-на Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, губернский секретарь Моисей Михайлов сын Иваненко во время служения своего в канцелярии, с 8-го января 1833 года по настоящее число, отличался хорошим поведением, доброю нравственностью и усердием к службе. О чем приятным долгом считаю сим свидетельствовать. 15-го марта 1835 года. Правитель канцелярии статский советник Ф а б р” (л. 2).

³⁰С 1841 по 1917 г. издание выходило под названием “Записки общества сельского хозяйства Южной России”.

³¹РГИА, указ. дело, л. 4–5.

³²Там же, указ. дело, л. 7.

³³Огарев II, 274. Кандидат – это, по-видимому, Н. Сазонов. См. также письмо Огарева к Кетчеру от середины 1835 г. (там же, с. 272). В комментариях к этому изданию отчество Иваненко указано неверно.

³⁴«Дело по отношению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора о дозволении губернскому секретарю Иваненко издавать “Новороссийский журнал”» РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 838, л. 4.

³⁵РГИА, указ. дело, л. 4.

³⁶Пассек I, 442.

³⁷Огарев I, 274–277.

³⁸Об этом проекте Огарева см.: Е.И. Зейлигер - Рубинштейн. Н.П. Огарев о воспитании и народном образовании. М., 1968, с. 35.

³⁹Огарев II, 374.

⁴⁰ОЗ, 1848, № 5, отд. 3, с. 34–48.

⁴¹РНБ, ф. 73 (А. Бильбасова), № 2. л. 1.

⁴²“Адрес-календарь жителей Москвы. Составлен (...) К. Нистремом”. 1850, ч. 1. Календарь чиновников служащих”. М., 1849, с. 358.

“ВЫСОЧАЙШАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ” АЛЕКСАНДРА II

Сообщение И.В. Проха

Создание Герценом (в феврале 1853 г.) Вольной русской типографии явилось логическим следствием всей его предшествующей общественно-литературной и антиправительственной деятельности. Вместе с тем это выдающееся событие в истории русского освободительного движения показывает, какое огромное значение придавал Герцен бесцензурной печати в борьбе против крепостничества и самодержавия. “Основание *русской типографии* в Лондоне, – писал Герцен 20 мая 1853 г., – является делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня принять в ожидании исполнения иных, лучших дел” (ХП, 79).

Царское правительство сразу же поняло, какого грозного и опасного противника оно обрело в лице Герцена-издателя. Показательно в этом отношении официальное обращение шефа жандармов гр. А.Ф. Орлова к министру народного просвещения А.С. Норову от 24 июня 1853 г. Сообщая, что “изгнанный Герцен учредил недавно в Лондоне русскую типографию с целью печатать в оной возмутительные сочинения”, он предписывал Норову “обратить на это особенное внимание цензурных комитетов, так как в оные, в числе книг, привозимых из-за границы, могут быть представляемы и помянутые злонамеренные сочинения”. Одновременно Орлов “отнесся к гг. министру финансов и генерал-губернаторам пограничных губерний империи, прося их распоряжений к обращению строжайшего внимания на привозимые в наши пределы русские книги и к воспрепятствованию ввоза таковых книг, печатанных в означенной типографии”¹.

И во все последующие годы, вплоть до самой смерти Герцена, его издательская деятельность постоянно являлась объектом преследований царского правительства, особенно усилившихся с момента выхода “Колокола”.

Герцену пришлось преодолеть немалые трудности, прежде чем он завоевал ши-

рокое признание как редактор-издатель и установил связь с многочисленными корреспондентами из России. Наиболее тяжелыми были для Герцена два первых года существования лондонской типографии, когда между ним и Россией была воздвигнута китайская стена молчания. Страстные призывы “лондонского изгнанника” оставались безответными. Николаевский режим лишил людей дара речи. И только с конца 1855 г. долгожданный сочувственный отклик долетел до берегов Англии. Нескончаемым потоком вскоре потекли в Лондон к Герцену корреспонденции из России, которые позволили ему и Огареву наладить издание “Колокола”, принесшего Вольной русской типографии наибольшую популярность. Как считал сам Герцен, с “Колокола” началась “настоящая серьезная пропаганда” (XXVII, 171).

В борьбу против “Колокола” сразу же включились важнейшие государственные учреждения: III Отделение вместе с корпусом жандармов, Государственный совет, Министерства внутренних дел, юстиции, народного просвещения, иностранных дел, финансов, а также Главное управление почт и телеграфов.

“Колокол” и другие издания Вольной русской типографии строго преследовались в России. Александру II даже удалось добиться их запрещения в Пруссии, Саксонии, во Франкфурте-на-Майне, Париже, Риме и Неаполе. В борьбе против Герцена и его изданий царское правительство не гнушалось никакими средствами. Оно подчас готово было воспользоваться услугами явных авантюристов. Известны имена некоторых из них, предлагавших за определенную плату нанести ущерб Вольной русской типографии и ее изданиям (Г. Михаловский, Ю. Мейер). Предательство Михаловского, служившего приказчиком в лондонском книжном магазине Трюбнера, было печатно разоблачено Герценом в листе 4 “Колокола” от 1 октября 1857 г. В заметке “От издателя” Герцен писал: “Удостоверясь, что некто *Михаловский*, занимавшийся делами по книжной торговле г. Трюбнера, предлагал русскому правительству доставлять рукописи и письма, присылаемые для нашей лондонской типографии, и считая должность корреспондента русского правительства несовместимой с делами нашей типографии, — мы взяли все меры, чтоб отстранить Михаловского от всякого участия в делах...” (XIII, 49; ср. 64–65).

Любопытные сведения об осведомленности Герцена относительно предательства Михаловского содержатся в письме к Мальвиде Мейзенбург от 14/2 октября 1857 г. “У нас, — писал Герцен, — была длинная история: обнаружили одного шпиона, который хотел получить от русского правительства 100 фунтов за мои письма и т.п. Едва письмо Горчакова успело дойти до Петербурга, как я получил оттуда 3 предостережения” (XXVI, 129). Разоблаченный Герценом Михаловский был обезврежен^{5*}.

Другой добровольный провокатор, некто Иосиф, или Юлий Мейер, в свое время “надул” А.М. Горчакова, когда тот был посланником в Вене. Такой метод добывания денег пришелся по вкусу авантюристу, который вторично поймал на герценовскую приманку теперь уже наместника Царства Польского генерал-адъютанта М.Д. Горчакова. Об этом В.А. Долгоруков сообщил 13 января 1858 г. министру иностранных дел А.М. Горчакову. В этом официальном послании с грифом “Весьма секретно” читаем: “Вследствие сношений моих с наместником Царства Польского об известном вашему сиятельству Генрихе Михаловском, который вызывался открыть нашему правительству лиц, занимающихся переводом фальшивых кредитных билетов и распространением сочинений Герцена, — генерал-адъютант князь Горчаков сообщил мне ныне, что он получил по почте из Кале письмо от имени некоего Мейера, который, выражая совершенное знание о помянутом предложении Михаловского, вызвался также сделать надлежащие указания по означенным предметам и отправиться для этого в Краков и Познань, ежели ему даны будут необходимые к тому денежные средства; что, найдя изложенные в этом письме обстоятельства заслу-

^{5*} Выполняя поручение III Отделения, русский поверенный в Лондоне барон Николаи навел справки и в официальной депеше — от 12/24 ноября 1857 г. сообщил: “Михаловский — характера подозрительного, некогда он сообщил точные сведения об Ольшевском... Я буду его иметь в виду. Подробности же с парижским курьером”².

живающими внимания, он, г. генерал-адъютант Горчаков, приказал отправить к Мейеру 300 таллеров, адресуя оные по указанному им адресу в г. Кёльн; что после того никаких сведений от него и даже уведомления о получении тех денег не получено, а между тем, по конфиденциальному дознанию, оказалось, что он 28 ноября писал кёльнскому почт-директору, прося его все письма, которые будут там получены на имя его, Мейера, из России и Царства Польского пересылать в Лондон, вследствие чего письмо с помянутыми 300 таллерами отправлено туда 2 декабря н.ст. Заключая из сего, что лицо, именующееся Юлием Мейером, может иметь только целью обман и в таком случае, вероятно, принадлежит к числу неблагонадежных людей, проживающих в Англии, и имеет лишь ввиду извлечение собственных выгод, я считаю долгом сообщить о вышеизложенном вашему сиятельству...”

Горчаков в ответном послании от 15 сентября 1858 г. сообщал: “Я полагаю, что этот Мейер, называющий себя Юлием, есть тот же самый Иосиф Мейер, который в 1854 г. обещаниями своими открыть план заговорщиков, выманил несколько денег от меня в Вене и от III Отделения соб(ственной) его имп(ераторского) величества канцелярии. Этот человек, подписывающийся одинаково *И.М.*, составил себе, как кажется, ремесло из фальшивых доносов”³.

В то время как шеф жандармов и министр иностранных дел выясняли вопрос о возможности воспользоваться направленными против Герцена предложениями явных авантюристов, придворный историограф, автор известной книги “Восшествие на престол императора Николая” М.А. Корф и министр внутренних дел С.С. Ланской получили из Лондона письма, в которых обещалось за солидную плату нанести невосполнимый урон Вольной русской типографии и оказать содействие царскому правительству в аресте ее руководителя.

Вот письмо к Корфу от 9 января 1858 г.:

«Милостивый государь!

Вольная русская типография в Лондоне под управлением Герцена в будущем месяце начинает печатать разбор вашей книги о восшествии на престол покойного государя-императора.

Не знаю, останется ли какое-нибудь черное слово в русском языке, которое не подпадет под станок при этом сочинении, а надо заметить, что книга эта чуть ли не лучшая из всего написанного Герценом; один в ней недостаток – это чересчур чрезмерное употребление брани против коронованного покойника, после него первое место занимаете вы как сочинитель; вот почему я обращаюсь именно через вас к правительству со следующим предложением.

По сношениям моим с Герценом я имею возможность легко уничтожить его типографию, сплавив все до одной литеры в одну общую массу. После этого он не будет иметь ни возможности, ни охоты закупать подобную провизию в России и во второй раз привозить ее в Англию^{6*}, а в Берлине^{7*}, как вы знаете, ни “Колокол”, ни “Полярная звезда”, ни разбор книги вашей, вероятно, печататься не будут.

Если правительство согласится выдать мне 800 фунтов стерлингов вскоре после уничтожения типографии и вышлет мне 100 фунтов на издержки, то есть на уплату наличными двум людям, которые управляют станком, то я по получении от правительства слова, денег и письма, исполню мною предлагаемое в двухнедельный срок.

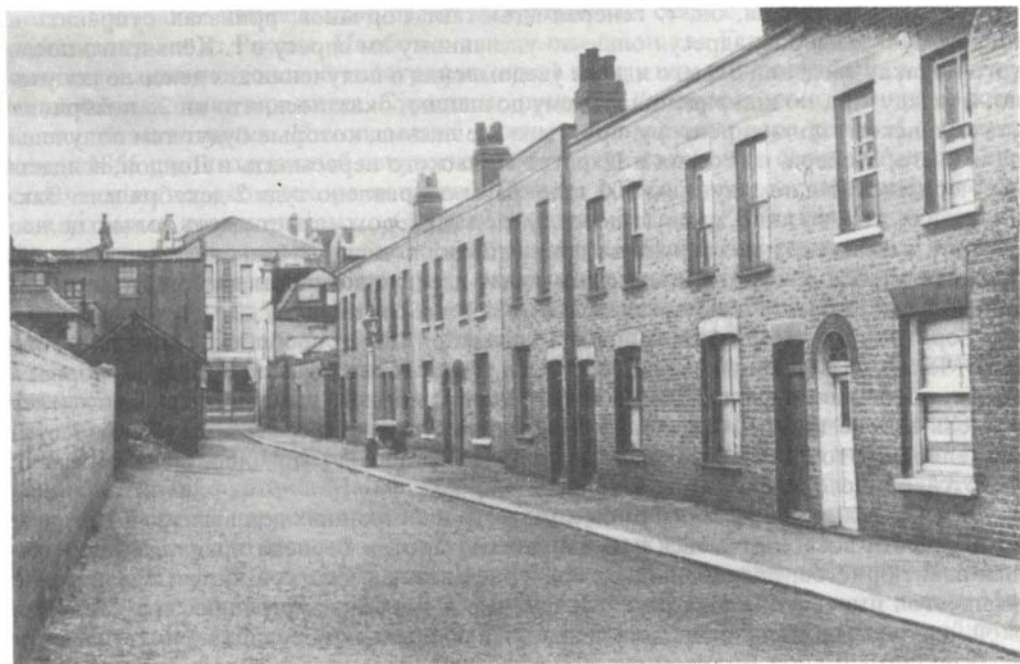
Пишите мне, если правительство найдет нужным, не через посольство, а прямо по адресу, который я прилагаю, и, если можно, поскорее, это даст возможность остановить “Полярную звезду”, которая теперь печатается.

Ваш покорный слуга Альберт Ч е н и ц к и й.

Мой адрес: Mr. Kent, 14, Queen Street. Plymouth, for M-r. Chernitzky»⁴.

^{6*} Автор письма не знал, что Герцен приобрел шрифт для типографии через членов польской Централизации у известного парижского издателя Дидо: шрифт этот был отлит перед Крымской войной по заказу императорской Академии наук в Петербурге (см. XXV, с. 389). – *И.П.*

^{7*} В Европе только в Берлине есть русская типография.

ЛОНДОН. БАРОУЗ ХИЛЛ

Фотография, 1857

Литературный музей, Москва

Здесь размещалась Вольная русская типография

Получив это послание, Корф немедленно переадресовал его шефу жандармов В.А. Долгорукову с сопроводительной запиской, в которой писал:

“Милостивый государь, князь Василий Андреевич!

Сейчас полученное мною письмо с подписью из Портсмута имею честь препроводить сие на зависящее усмотрение и распоряжение к Вашему сиятельству вместе с двойным конвертом, в котором оно было принесено в Публичную библиотеку. Его подал там неизвестный человек, сей час удалившийся.

С моей стороны считаю долгом присовокупить только в опровержение одного из показаний писавшего письмо, что русские типографии существуют теперь, сколько мне известно, также в Карлсруэ, в Лейпциге, в Берлине и в Париже. По крайней мере, во всех этих городах печатаются книги на русском языке”⁵.

В сопроводительной записке Корфа обращает на себя внимание то обстоятельство, что письмо из Плимута он получил не по почте, а через посредника. Это, скорее всего, может говорить в пользу предположения, что у анонимного автора письма были связи с Россией.

15 января 1858 г. Долгоруков доложил Александру II письмо из Плимута. Русский венценосец проявлял явно повышенный полицейского свойства интерес к Герцену и его деятельности.

В начале марта 1858 г. был дан новый импульс этому интересу. Неизвестный корреспондент, и опять же из Плимута, повторил в принципе предложение, содержащееся в письме к Корфу, но расширил его. Теперь он адресовал свое обращение министру внутренних дел С.С. Ланскому.

В письме говорилось:

«Издатель газеты на русском языке “Колокол” г. Герцен (Искандер) отправляется 14/26 апреля будущего месяца в одно из государств материка Европы по делам своего имения, заключающимся в деньгах, где пробудет около 16–18 дней и будет

стараться о распространении там “Полярной звезды”, “Голосов из России” и проч.

Отпечатанную книгу “Император Николай по поводу книги барона Корфа” пошлют скоро секретно транспортом в Россию.

Никто, кроме меня, не знает, кто повезет транспорт, потому что я буду отправлять его; никто, кроме меня, не знает и не будет знать, куда поедет Искандер, а как я ему недруг и, как я уверен, правительство страны, куда он едет, охотно выдаст его правительству русскому со всеми его революционными идеями, то я предлагаю указать место, день и час, когда и куда он отправится, указать его квартиру там и указать транспорт революционных книг, кто и куда повезет его, если я получу от правительства не через посольство (я не хочу гласности), а прямо на мое имя в Плимут семьдесят фунтов стерлингов к будущему 14 апреля русского стиля или несколько дней позже.

Я обращаюсь к вам, ваше высокопревосходительство, потому, что вы вторично циркуляром 28 октября 1857 заботились о неприводе подобных книг в Россию^{8*} и ожидаю вашего ответа, от которого будет зависеть совершенное прекращение революционных сочинений. Мой адрес: M-r Newritsky, 2, Adelaide Road, Plymouth»⁶.

Предложения некоего Невритского (скорее всего, имя это вымышленное) показались руководителям III Отделения, а впоследствии и Александру II, весьма заманчивыми. 8 марта Долгоруков написал своему начальнику штаба А.Е. Тимашеву: “Прошу вас прислать мне завтра к 9 1/2 часам утра дело с письмами, которые были получены князем Горчаковым и бароном Корфом насчет сочинений и типографии Искандера. Господин министр внутренних дел прислал мне письмо к нему, адресованное Невритским.

Оно написано, сколько я могу припомнить, тою самою рукою, которою писано письмо к барону Корфу”. На письменном распоряжении Долгорукова помета, сделанная красным карандашом рукой А.Е. Тимашева: “Исполнил”⁷.

На следующий день, 9 марта, Долгоруков для памяти сделал запись, адресованную тому же Тимашеву: “Переговорить о прилагаемых письмах во вторник, так как, вероятно, завтра мы видаться не успеем. Оба письма, по моему мнению, писаны одним и тем же лицом”⁸.

Следствием переписки и устного обмена мнениями между Долгоруковым и Тимашевым о Герцене и его типографии явилось письмо начальника штаба корпуса жандармов к негласному агенту III Отделения Я.Н. Толстому, скорее всего санкционированное самим Александром II. Шумный провал Михаловского и циничный обман Мейера, естественно, кое-чему научили руководителей III Отделения. Они решили быть более осмотрительными и, прежде чем дать согласие на предложение из Плимута, захотели навести справки о возможных авторах писем, а также о реальности их обещаний. Кроме того, они опасались “ловушки” – провокации со стороны Герцена, меряя всех людей на свой полицейский аршин.

15 марта 1858 г. Тимашев писал Толстому:

«Милостивый государь Яков Николаевич! Министр внутренних дел и барон Модест Андреевич Корф доставили к шефу жандармов письма, полученные ими из Англии от неизвестных им лиц. Сходство почерка и особенности предложений, в них заключающихся, дают повод предполагать, что они писаны одним и тем же лицом. По почерку есть основание подозревать, что они писаны Николаем Платоновичем Огаревым, сотрудником Герцена»^{9*}.

Препровождая при сем в подлиннике оба письма, я, по поручению князя Василия Андреевича, покорнейше прошу вас, милостивый государь, сообразить как средства к разысканию лиц, их писавших, так и меру возможности осуществить сделанные ими предложения.

^{8*} О циркуляре С.С. Ланского автор письма мог узнать из статьи Герцена “Ложный донос на нас и безграмотный циркуляр о наших книгах”, опубликованной в л. 10 “Колокола” от 1 марта 1858 г. (XIII, 204–205). – И.П.

^{9*} Это предположение было грубейшей ошибкой и в то же время грязной клеветой на Огарева. – И.П.

При исполнении возлагаемого на вас поручения необходимо соблюсти всевозможную ловкость и осторожность, имея ввиду, что упомянутые письма могут быть написаны по внушению самого Герцена с целью поставить правительству нашему, так сказать, ловушку и дать тему для статьи в “Колоколе”.

Князь Василий Андреевич, полагая, что по осторожности, которую необходимо соблюсти в этом деле, вам нужно самим отправиться в Лондон и Плимут, поручил мне при сем препроводить к вам 150 голландских червонцев с тем, что если к израсходованию их не представится надобности, по возлагаемому на вас поручению, вы оставите их у себя в счет суммы, отпускаемой вам на содержание.

Для соображения вашего считаю нелишним сообщить, что в прошлом декабре месяце некто Jul. Meuer предлагал письменно свои услуги наместнику Царства Польского для указания пути, которым доставляются в Россию сочинения Искандера, испрашивая в вознаграждение 300 червонцев. Деньги эти были ему высланы, но с той поры не было о Мейере никаких более известий.

Присовокупляя к сему, что о последующем князь Василий Андреевич будет ожидать вашего донесения, имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в совершенном моем почтении и преданности»⁹.

Пока письмо-запрос Тимашева за № 586 от 15 марта 1858 г. шло в Париж, 22 марта через фельдъегеря в Петербурге был получен ответ Я.Н. Толстого на предшествующее обращение к нему начальника штаба III Отделения:

«Ваше превосходительство, милостивый государь Александр Егорович!

В ответ на письмо вашего превосходительства от 1 марта за № 540^{10*}, имею честь донести, что русская брошюра, о которой вы изволите упоминать, “закрывающая очерк в саркастическом духе лиц, участвовавших в Крымской кампании”, должна быть, как я полагаю, та же самая, которую я имел честь препроводить к господину генерал-адъютанту Долгорукову и которая напечатана в Лейпциге в двух частях под заглавием: “Русский заграничный сборник”: 1-ая – “Немцы и Дунай”; 2-ая – “Журнал Севастополя”. Сии две брошюры отправлены на имя князя Василия Андреевича 1/13 марта.

Вскоре после того появилась еще одна брошюра из того же источника проистекающая: “Письмо к наставнику его императорского высочества государя наследника”, которая отдана мною также в посольство для отправления с первым курьером. Я полагаю, что не стоило отправлять этой книжки по почте, потому что она давно уже была известна как произведение Погодина и ходила в рукописи в России.

В заключение имею честь доложить вашему превосходительству, что все русские книги заграничного издания отправляются мною немедленно к его сиятельству; если же в посольстве нет okazji или таковые не предвидятся в скором времени, в таком случае я отправляю по почте. Впрочем, в некоторых случаях, по встречающимся препятствиям, высылка книжек замедляется а именно, некоторые из них, будучи запрещены французским правительством, в продажу здесь не поступают, а потому я принужден выписывать их из Лондона, что сопряжено также с большими затруднениями; те же, которые можно купить здесь тайно, продаются втридорога против цены, определенной Герценом, также весьма высокой. Отправление же по почте брошюр большого формата, как-то: “Полярная звезда”, “Голоса из России”, обходится также дорого и доходит неверно. По сие время все брошюры и листки, напечатанные в Лондоне и Лейпциге, отправляемы были мною в свое время к его сиятельству и впредь будут с надлежащею исправностью»¹⁰.

На письмо резолюция Тимашева: «Просить о высылке еще одного экземпляра книги Герцена, написанной по поводу сочинения барона Корфа “Восшествие на престол императора Николая I”»¹¹.

Трудно сказать, получил ли автор последнего письма из Плимута какое-либо подтверждение интереса к его предложениям со стороны III Отделения. Во всяком

^{10*} Текст этого письма до нас не дошел, но о его содержании можно судить по ответу Я.Н. Толстого. – И.П.

случае в середине апреля 1858 г. в ведомстве Долгорукова появилось еще одно письмо из Плимута, отправленное 31 марта, в котором говорилось:

«Издатель журнала “Колокол” г-н Герцен, пишущий пасквилы против императорской фамилии, отправляется из Лондона на материк Европы по своим денежным делам и для распространения там русских сочинений, издаваемых в Лондоне; он повезет с собою в числе прочих в большом количестве “Император Николай по поводу книги барона Корфа” с целью отправить эти сочинения в Россию секретным путем.

Находясь в сношениях с Герценом, я предлагаю канцелярии его величества указать день, пароход и место, куда он поедет и где он неминуемо будет выдан русскому правительству, если мне вышлют 70 фунтов стерлингов. Так (как) я должен быть в Лондоне к отъезду Герцена через пятнадцать дней, а письмо это будет не позже 10-го, попрошу канцелярию его величества, буде мое предложение будет признано достойным внимания, дать знать мне по телеграфу, ожидать ли мне удовлетворительного ответа или нет»¹².

Вероятно, одновременно в Петербурге был получен ответ из Парижа от Толстого на запрос Тимашева от 15 марта за № 586. Письмо-отчет Толстого датировано 29 марта / 10 апреля, а получено в Петербурге только 16 апреля. По всей вероятности, Толстой ждал верной оказии для его пересылки. Привожу полный текст этого любопытного документа:

«Ваше сиятельство, милостивый государь, князь Василий Андреевич!

Предписание вашего сиятельства, переданное мне господином генералом-майором А.Е. Тимашевым, я имел честь получить и в тот же день в кратких словах известил его превосходительство о немедленном отъезде моем в Лондон. Хотя впоследствии, обдумав основательнее сущность этого обстоятельства, я убедился, что в настоящее время крайней необходимости не предстоит спешить отъездом моим в Англию, ибо *книга против барона Корфа* печатается уже 2-м изданием, “Полярная звезда” вышла на днях, и 12-й № “*Колокола*” тоже.

Теперь же приемлю смелость изложить вашему сиятельству собственное мнение мое по предмету возложенного на меня поручения:

Во-первых, предложение, сделанное барону Модесту Андреевичу Корфу из Портсмута от 9-го января, не заслуживает, по моему суждению, никакого внимания, потому что книга Герцена давно уже вышла и отправлена в великом множестве экземпляров в Бельгию, в Германию, а оттуда, вероятно, в Россию. Способ же к уничтожению издания сплыванием типографии Герцена во всех отношениях, мне кажется, недостойным уважения как вандалическое, насильственное средство, не соответствующее с возвышенными чувствами благодушного государя нашего. Если бы подобное покушение приведено было в действие, Герцен имел бы полное право обратиться к суду, а так как всякое посягательство на собственность, а наипаче истребление оной, по законам английским относится к криминальному разряду, последствия такого поступка были бы самые пагубные. Сверх того, истребление типографии Герцена нимало не прекратило бы печатание русских книг. В самом Лондоне заведена другая русская типография поляком Свентославским. В Париже тоже существуют несколько станков и русские литеры отлиты в надлежащем количестве у Фирмена Дидо в императорской типографии и, наконец, у иезуитов, где недавно напечатаны книги Мартынова.

Третье предложение об указании мест проезда и пребывания Герцена в предполагаемой им поездке, также не может иметь никакой цели, не представляя возможности в исполнении оной. Мы видим ясный пример в ничтожестве всех мер, принятых для арестования Маццини; целая Европа несколько лет сряду ловит его, и все усилия до сих пор были тщетны. К тому же, я полагаю, что великодушное и прямыми путями всегда действующее правительство наше не согласится приступить к способу, не соответствующему прямоте его деяний, не свойственному достоинству могущественной державы и подвергающему Россию навлечь на себя негодование Европы и даже поколебать наши мирные сношения с Англией.

Впрочем, по моему крайнему разумению, мне кажется, что даже если бы Герцена выдали России, то наше правительство нашлось бы в большем затруднении, недоумевая, что с ним делать?

Касательно же почерка писем к барону М.А. Корфу и С.С. Ланскому, нельзя полагать, чтобы они писаны были Огаревым^{11*}, а вероятно Черницким (!), который в письме своем к барону Корфу дал свой адрес на имя Кента для передачи Черницкому. Это мнение тем более похоже на правду, что, как мне известно, при типографии Герцена находится поляк этого имени, знающий совершенно русский язык. В прошлом году их было двое – он и Михаловский; сей последний по подозрению в измене был изгнан из дома Герцена. Что же относится до Огарева, я не полагаю, чтобы он решился предать своего сотрудника. Огарев имеет хорошее состояние, значительные капиталы переведены им в Лондон; следовательно, невероятно, чтобы он просил денег для приведения в исполнение поступка, подвергающего его не только нравственному порицанию, но и наказанию как преступника. Он называет Герцена другом, живет с ним вместе, издает совоюпно с ним “Полярную звезду” и пр. А жена Огарева воспитывает дочерей Герцена. Итак – вероятно ли, чтобы Огарев решился давать таковыя предложения и просить денег? Если же почерк двух писем, действительно, сходствует с почерком Огарева, то это должно быть с его стороны западня, в которую намерен поймать нас. Он и Герцен жаждут (!) найти случай, чтобы в “Колоколе” предать посмешищу русских агентов.

Что же касается до указания путей, коими доставляют в Россию сочинения Герцена, я считаю это дело совершенно справедливым. Всякое государство имеет полное право принимать предосторожности против ввоза возмутительных сочинений, тем более, что оно действует к отвращению незаконных, пагубных и вероломных попыток. Я имел случай в 1850 г. доносить начальству по сему предмету, когда издан был “Катехизис восстания”, сочиненный Христианом Островским; эта брошюра напечатана была в числе 100 000 экземпляров, большая часть коих отправлена была книжным торговым домом Мелина, в Брюсселе находящимся, в Россию. Жиды провозили их тайно на многих пунктах пространной границы западной России, охранение которой по обширности почти невозможно. Мне неизвестно, были ли приняты меры для прекращения этого незаконного ввоза.

До сведения моего дошло, что Герцен желает отправить сына своего в Россию, а потому начинает видимо смягчать слог статей своих в издаваемых им брошюрах и газетах.

В заключение имею честь донести, что все эти предложения кажутся мне попытками, чтобы только выманить деньги и обмануть, что здесь в Париже весьма часто делается и выражается французскими словами “faire du chagrin”^{12*}. Явным доказательством мошенничества и в этом случае служит поступок Jul. Meyer с наместником Царства Польского.

Я всепокорнейше прошу ваше сиятельство извинить смелость мою в изложении моего мнения. Я думал, что долг мой повелевает мне откровенно повергать на усмотрение начальника все то, что я полагаю справедливым, полезным и благоразумным. Впрочем, полагаясь на волю вашего сиятельства, я буду ожидать подтверждения приказаний вашего, дабы приступить к исполнению. Между тем, я поручил одному верному агенту отобрать сведения в Брюсселе, по коим можно будет узнать, посредством какого книготорговца и какими путями провозятся книги Герцена и других в этом роде писателей в Россию, и думаю, что я должен буду сам вскоре отправиться в Брюссель, а может быть и в Лондон, о чем буду иметь честь в свое время донести вашему сиятельству.

С глубочайшим почтением и беспредельной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга Я. Т о л с т о й¹³.

На письме помета рукой Долгорукова: “Доложено его величеству 16 апреля”, и

^{11*} Сбоку карандашная помета: “См. дело № 67/1849, ч. 4-я”. – И. П.

^{12*} “причинять огорчение” (франц.).

мешать революционной пропаганде Герцена. Оно само по себе, конечно, интересно, но значение документа неизмеримо возрастает с установлением подлинного отношения к нему Александра II.

На письме Толстого от 29 марта / 10 апреля 1858 г. имеется ряд помет. Самая важная из них такая: слова “недоумевал, что с ним делать?” подчеркнуты тонкой карандашной линией, и тем же карандашом сбоку слева на полях характерным мелким почерком написано: “В этом он ошибается”¹⁶.

М.К. Лемке считал, что автором этой весьма выразительной резолюции был В.А. Долгоруков (см. Л ХХII, 74). Однако не нужно прибегать к специальному графологическому анализу, чтобы опровергнуть его ошибочное предположение. Для этого достаточно иметь представление о почерке Александра II, писавшего мелко, со своеобразным округленным начертанием букв, и о почерке В.А. Долгорукова, который писал крупнее и заостреннее. Кстати, они оба оставили на письме свои автографы.

Дополнительными аргументами в пользу принадлежности резолюции Александру II могут служить еще два момента. Во-первых, то, что Долгоруков специально доложил письмо царю¹⁷, а, во-вторых, содержание самой резолюции. Так имел право писать только царь!

В.А. Долгоруков никогда не позволил бы себе сделать какие-либо пометы на письме до прочтения его Александром II и уж, конечно, не рискнул бы после высочайшего просмотра написать на письме такое заключение. “Высочайшая резолюция” решительно опровергает бытующую в историографии версию о снисходительном отношении Александра II к Герцену в начальные годы царствования. Она показывает, что Александр II ни на минуту не сомневался бы, как поступить с писателем-революционером, если он попадется ему в руки. Какую расправу приготовил бы Герцену царь, можно только предполагать. Возможно, Александр II и не рискнул бы похоронить заживо столь популярного человека в одном из казематов Петропавловской крепости, что он сделал с М. Бейдеманом. Но не менее тяжелые испытания, чем те, которые выпали на долю Чернышевского, вероятно, стали бы уделом Герцена.

Свободный голос Герцена, несмотря ни на что, задуть не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “Красный архив”, 1937, № 2 (81), с. 212.

² ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1857, ед.хр. 255, л. 24. О Ю. Ольшевском см. в сб. “Русско-польские революционные связи”, т. 1. М., 1963, с. 26, 29–31, 33.

³ ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1857, ед.хр. 255, л. 40–40об., 41–41 об.

⁴ Там же, л. 51–51 об.

⁵ Там же, л. 41.

⁶ Там же, л. 52–52 об.

⁷ Там же, л. 49–49 об.

⁸ Там же, л. 50–50 об.

⁹ Там же, л. 53–а–53-а об.

¹⁰ Там же, л. 61–62.

¹¹ Там же, л. 61.

¹² Там же, л. 58–59 об.

¹³ Там же, л. 66–69 об.

¹⁴ Там же, л. 66.

¹⁵ Там же, л. 65 об.

¹⁶ Там же, л. 67 об.

¹⁷ Александр II очень внимательно читал послание Я.Н. Толстого, о чем свидетельствует его вторая надпись “Весьма правдоподобно”, находящаяся слева сбоку против слов “Выманить деньги и обмануть” (там же, л. 69).